

12+

Александр Чмырёв

Жизнь проповедника

Александр Чмырёв

Жизнь проповедника

«Издательские решения»

Чмырёв А.

Жизнь проповедника / А. Чмырёв — «Издательские решения»,

Книга о жизни простого человека, который стал проповедником, он говорил о непротивлению злу и поэтому имел большие неприятности, он говорил слово Божье и как написано. Кто-то слушал и принимал, а кто-то отвергал его слова, непростая жизнь человека, который искал Бога и старался жить по Его заповедям.

© Чмырёв А.

© Издательские решения

Содержание

Жизнь проповедника	6
— Давай помолимся	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жизнь проповедника

Александр Чмырёв

© Александр Чмырёв, 2026

ISBN 978-5-0070-1282-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь проповедника

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.»

Евангелие от Матфея

Все истории когда-то начинаются и когда-то заканчиваются — таков закон жанра. И нельзя уклониться от него ни вправо, ни влево, если мы хотим, чтобы в книге присутствовали здравый смысл и логика.

Но что такое логика? И что такое здравый смысл?

Когда практически все на земле больны, и нет исключения — существуют лишь разные степени одного общего человеческого недуга, — тогда трудно говорить о логике и здравом смысле в абсолютном выражении. Ведь вы согласитесь со мной: мы заражены и больны. Кто не болеет тщеславием, тот, быть может, болен гордыней. А если и нет гордыни — что почти невозможно представить в чистом виде, — то какой-нибудь другой порок обязательно найдётся. Бывает, что все пороки наваливаются на одного хрупкого человека, и он ходит под их тяжестью глубоко больной и несчастный. Благо тем людям, которые осознали свою болезнь, своё ничтожное состояние, свои кровоточащие язвы пороков, свои гнойные раны, корнем которых является грех.

И ещё большее благо тому, кто глубже других осознаёт всю бездну своей болезни: это первый шаг к выздоровлению, которое будет длиться всю жизнь и завершится в вечности по милости Бога.

Жил на этой бренной земле человек. Он занимался домашним хозяйством, чинил обувь — то ли работа, то ли хобби, но приносило ему это небольшую копейку. Ему было уже за пятьдесят. С ним была его жена, а дети давно разлетелись кто куда. Лишь письма долетали до них, и раз в год все собирались вместе — большая, дружная семья, которая на время забывала все свои разногласия и мирно жила неделю под родительской крышей.

Жили они спокойно, но однажды, начитавшись книг о паломниках и странниках, глава семьи взял немного денег, поцеловал жену и торжественно заявил, что отправляется в путь — «куда глаза глядят». Жена долго отговаривала его, даже заплакала, но он был неумолим.

Огонь путешествий давно жил в его сердце и теперь разгорелся так сильно, что удержать его было невозможно.

Он был учителем истории, всю жизнь работал в школе. Но недавно уволился — взял расчёт. Работать руками умел лишь обувщиком, но это было скорее увлечением. Основной заработок приносило преподавание. И вот с таким багажом он отправился в дорогу.

В первый день своего странствия он прошёл много. По пути видел, как люди копаются в огородах, занимаются хозяйством. Это почему-то стало вызывать у него некую досаду: «Люди не понимают своего настоящего счастья», — думал он. А счастье он видел только в дороге, в пути. Он так давно мечтал об этом, так много лет прожил на одном месте, что теперь казалось чудом — взять и решиться идти по незнакомым дорогам.

Да, мир уже не тот, что прежде: почти не осталось мест, куда не ступала нога человека. Но, думал он, человеческие сердца — вот что до конца не исследовано.

«Почему бы мне не узнать, чем отличается сердце человека в одной стране от сердца человека в другой? — рассуждал он. — И как иначе узнать собственное сердце, если не в пути?»

Вечером он нашёл гостиницу, снял комнату, сел на кровать, развернул свой узелок и с удовольствием съел хлеб с колбасой, запив молоком. Потом лёг и долго думал.

Его мысли кружили вокруг одного: как много на свете неизведанного, тайного, неразгаданного. И если приложить усилие к познанию мира — не принесёт ли это плода?

Утром он умылся, почистил зубы дорожной щёткой, заказал кофе и завтрак — и вдруг понял: так дело не пойдёт. Если уж он решил быть странником, то и жить должен как странник. Хотя деньги у него пока были, но рано или поздно они закончатся. «Когда закончатся — тогда и буду жить настоящей жизнью странника», — подумал он, но точного решения так и не принял.

На улице он встретил мальчишек — смелых, дерзких, разглядывающих его без стеснения.

— Что вам, ребятки? — спросил он.

— А не найдётся ли у вас, дяденька, пять копеек? — хором проговорили они.

Он развязал узелок, достал пять копеек и подал самому бойкому мальчику.

— Спасибо, дяденька!

— Не за что, — ответил он и пошёл дальше, сам не зная куда и зачем.

Ему нужна была хоть какая-то цель. Странствовать без цели — мучительно. И он решил: раз многие странники были людьми веры, то и ему стоит приобрести Библию и начать читать её.

В первом же городе он зашёл в книжную лавку, купил Библию, сел на скамейку и углубился в чтение.

Поначалу было трудно. Но он твёрдо решил: читать каждый день, хоть понемногу.

И вскоре начал понимать написанное — и это приносило ему радость. Мысль о том, что Бог есть и Он заботится о людях, согревала его.

Он решил: «Буду и я заботиться о людях...»

Но как заботиться, если сам странник? Ответа он не нашёл.

Он много слышал о Боге и раньше, но суета и лень не давали добрым семенам прорасти.

Теперь же, прочитав множество книг о странниках, где говорилось и о вере, он всё-таки решился читать Библию сам.

Это немного отличалось от традиций прежних странников, ведь не все они носили с собой Писание. Но он был человеком, который умел сочетать необдуманные поступки с благоразумием — странное сочетание, известное одному Богу.

«Как приносить пользу людям?» — этот вопрос не давал ему покоя.

Он решил: чтобы познавать человека, нужно быть среди людей. Просить милостыню — стыдно, да и грех, думал он. Значит, лучше всего наниматься в работники. Он умел копать и носить тяжести — этого уже достаточно.

Он пришёл в город и стал спрашивать прохожих, кому нужна помощь. Ему указали дом.

Он позвонил. На порог вышел немолодой мужчина.

— Чего вам?

— Я пришёл наниматься на работу. Слышал, вам нужна помощь.

— Правда. А что вы умеете?

— Да немного... Копать, носить тяжести...

— Вот вы мне и нужны, — сказал хозяин. — Выкопать надо две траншеи. Жить будете у меня во флигеле. Видно ведь, что вы не здешний.

— Да, вы правы. И с благодарностью приму ваше гостеприимство.

— Работа срочная, можете начинать хоть сегодня.

— Договорились.

Сегодня он и приступил к своей работе. Инвентарь был господский, поэтому это ему было на руку. К вечеру хозяин пригласил его на ужин. Семья хозяина была очень большая. Жена — та всё время прислуживала им и чем-то была недовольна. Он принял это на свой счёт и немного огорчился. Она была в розовой красивой кофточке. По некоторым мелким деталям было видно, что готовилась она впопыхах, и, быть может, именно это обстоятельство и встревожило её женское сердце. Глаза её были слегка навывкате, хотя это не мешало ей слыть красавицей. Губы поджаты, но привлекательности ещё не утратили. Волосы заплетены косой — пышные, ухоженные, красивые. Она постоянно накладывала детям в тарелки и старалась не смотреть на своего мужа. А когда смотрела — взгляд её становился пронзительно холодным.

Когда гостя усадили за стол, муж будто спохватился и громким, напоказ поставленным голосом представил свою жену и детей:

— Это Варвара Михайловна, моя дражайшая супруга.

Она криво, но самодовольно улыбнулась, наклонила голову и стала обнимать младшую дочурку, теребя её волосы.

— Это мои дети — Ваня, Егор и Света. Вот так мы и живём: небогато по нынешним меркам, но стараемся друг дружке помогать. Да, совсем забыл — меня зовут Иван... э-э... Иван Фёдорович. Да вы ешьте, не стесняйтесь, — сказал Иван Фёдорович и подмигнул ему.

— Я не стесняюсь, но не хотел бы вас обременять, — ответил он.

— Да что вы, что вы! — загалдела жена, Варвара Михайловна. — Вы нисколько нас не стесняете. Правда, Ваня?

— Конечно, не стесняете, — подхватил тот. — Нам приятно, так сказать, по-христиански поступить.

Но вдруг он сам немного смутился на этих словах и как-то не к месту заулыбался.

— А вы с далека к нам и надолго? — спросила Варвара Михайловна.

— Да я, собственно говоря... — начал было он, но почему-то замялся. — Вы простите меня, я и представить-то как следует забылся... Меня зовут Александр... э... э...

Он снова запнулся.

— Фёдорович Воскресенцев.

Тут ему стало неловко, но он собрался с духом и продолжил:

— Я путешествовать вздумал, стало быть, на старости лет. Своими руками что-то делать другим, ну и, конечно, изучать характер земель, на которых буду, по милости Божией. Да и очень интересно мне, так сказать, движение души человеческой познавать. Я странником захотел устроиться, да вижу — в чистом виде это у меня не выходит.

— Так вы интереснейший человек, — сказала Варвара Михайловна, — раз вот так решили путешествовать да ещё и пользу людям приносить. А как же ваша семья на это смотрит?

— Да семья-то моя... Одна жена и осталась. Дети разлетелись кто куда, собираются раз в год. Вот недавно, пока я ещё дома был, приезжали — неделю праздновали. Я вот думаю, есть у меня годок походить по миру, а там уж и домой, на побывку. Жена, правда, долго причитала да упрямилась, но потом согласилась отпустить. Потому что это — словно зуд какой: если не почешешься, так и жизнь немила. Так и со страстью моей этой вышло, похоже.

— Да, пути Господни неисповедимы... — сказал Иван Фёдорович и почему-то тяжело вздохнул. — Эта извечная тяга к путешествиям наверняка у каждого мужчины в крови.

— Я бы не хотела, чтобы мой муж вот так путешествовал! — покраснев, выпалила Варвара Михайловна. — Этак если все путешествовать начнут, кто же на хозяйстве останется?

— Ничего, — ответил Александр Фёдорович. — Хозяйство у нас небольшое, да и пенсия уже есть. Жена справится, я в ней не сомневаюсь. Но только знаю: не прожить бы мне было от этого зуда, если бы не собрался в дорогу. Мужчине хоть раз в жизни, может быть, и необходимо вот так в дороге оказаться — со всем, что накопилось в душе, разобраться.

— Скажите, пожалуйста, если простите моё любопытство... — начал хозяин. — А что вы так бережно относитесь к этой сумке?

Александр Фёдорович на минуту смутился, а потом сказал:

— Тут у меня драгоценная книга книг — Библия. Я читаю её, и она, на удивление, меняет жизнь мою. Сам я изменить свою жизнь никогда не мог — как ни старался, ничего не получалось. Пытался не один и не два раза жить праведно — да сил не хватало. А сейчас, когда стал молиться да читать Библию, легче стало. Жалею лишь об одном — что раньше не начал читать.

Иван Фёдорович посмотрел на него глубокомысленно, и что-то болезненное отразилось на лице его. Он закашлялся ненадолго, а потом, словно сам с собой размышляя, сказал:

— Так значит, ты верующий человек Божий?

— Да... Только самый ничтожный из всех верующих, — кротко, без малейшего хвастовства, ответил Александр Фёдорович.

— Ну, так скажи мне, человек Божий... Я и сам не отрицаю, что Бог есть. Но никак не могу взять в толк: почему же тогда мир такой несправедливый? И мало того, что мир несправедлив — это ещё ничего. Но почему хорошие люди страдают, а плохие живут себе припеваючи? Вот что меня гложет.

— Добрый ты человек... — начал было Александр Фёдорович. — Нет, не добрый... пока. Только пытаюсь. Да и не знаю, как ответить на ваш вопрос. Созвучен он мне. И сам не раз задавал его себе. И не только я — мужи Божии тоже спрашивали об этом.

— Праведный Иов мучился в душе своей праведной и говорил Богу:

«Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую зачался человек! День тот да будет тьмою; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная; да обложит его туча, да устрашат его, как палящий зной!...» Ночь та — да не сочтётся она в днях года, да не войдёт в число месяцев! О, ночь та — да будет она безлюдна; да не войдёт в неё веселье! Да проклянут её проклинаящие день, способные разбудить левиафана! Да померкнут звёзды рассвета её: пусть ждёт она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы — за то, что не затворила дверей чрева матери моей и не сокрыла горести от очей моих! Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?»

И это — слова самого лучшего из людей того времени. Он не понимал, почему ужас случился с ним — с тем, который был богобоязненным и удалялся от зла, который каждый день молился Богу и уповал на Него. Но знаете, конец его был хорошим, и Бог не оставил его. Я для себя уяснил одно: с нами и со мной может случиться всё. И то, что должно постигнуть грешников, может постигнуть и праведных. Я не лучше любого грешника, живущего на земле. Но по милости Божией мы живём и стараемся делать то, что угодно Богу. И не на все вопросы здесь мы можем получить ответ. Но я надеюсь, что и мой конец будет хорошим.

— Конец концов, — говорит Иван Фёдорович, — но хотелось бы хорошо пожить и до конца! Вот в чём мой вопрос. Конец... когда он ещё будет. А сейчас? Почему сейчас хорошие люди не всегда живут хорошо, а живут как будто в боли, в страданиях, вызывают к Богу — а Он будто не слышит их?

— Не знаю... Трудно ответить вам на вопрос ваш. Глубок он у вас и силён... Но знаю одно: был один страдалец на земле, который ничего плохого не сделал, а наоборот — творил чудеса, исцелял и добро людям делал. Но Его взяли и распяли. И не было вины на Нём. А умирал Он самой мучительной смертью... Хотел ли Он быть счастливым на земле? Может, и хотел бы. Да ради нас верил, что будущее лучше настоящего...

Александр Фёдорович замолчал. В комнате воцарилась тишина. Даже дети смотрели молча.

— Да... Спасибо за ответ. Нужно подумать над твоими словами, — произнёс Иван Фёдорович.

Завтрашний день весь прошёл в работе, как и послезавтрашний. Хозяин вместе с женой и детишками очень хорошо относились к Александру Фёдоровичу, старались во всём ему угодить. И видно было, что такое отношение он, возможно, завоевал тем, что говорил им о Библии.

Но вскоре работа его у них подошла к концу. Они очень тепло распрощались, даже обнялись на прощание. Хозяин заплатил ему денег — сумма оказалась даже больше, чем Александр Фёдорович ожидал. И он пошёл дальше.

Недалеко от церквущки он увидел солдатику без ног, который просил милостыню. Отчитав ему денег, он вложил их в его руку и при этом поблагодарил за то, что солдат принимает деньги от такого грешного человека.

Солдатик удивился и спросил:

— Почему вы считаете себя грешным, если калеке деньги даёте?

— Да... не знаю почему. Раньше, пока не читал Библию, и грешным себя не считал. Думал: живу как все, не хуже других. Никого не убил, не украл. Но когда стал читать Библию — увидел, что сколько раз убивал других ненавистью своей. Да красть — крал и время у себя, и у других тоже. Да и столько помоев в сердце моём... что трудно и объяснить.

— Так может, и не читать Библию вовсе, если так страдать стали?

— Можно и так. Но тогда откуда бы я узнал, чем болею? Так бы и проболел всю жизнь, не ведая того. А конец был бы — погибель. Потому думаю и верю всем сердцем своим, что полезнее книги, чем Библия, нет на белом свете.

— Да... может быть и так, — сказал солдатик. — Но мне говорили, что я защищаю родину, и если меня убьют, то я на небеса попаду...

— Жаль мне тебя. Но если не утомит тебя правда — я могу сказать тебе, что Слово Божье говорит об этом.

— Валяй, — говорит солдатик. — Правда лучше, чем ложь. Когда я пошёл на войну, я думал: правильно — нужно защищать всех. Да только когда убил первого, как я думал, врага... что-то сломалось в сердце моём. И не могу сейчас восстановить то сломанное. И никакие слова о патриотизме, долге и защите отечества не могут исправить сердце моё. Так и живу — со сломанным сердцем. Почему так? Даже ноги мои так не волнуют, как вот эта пустота в сердце... Вот это меня разъедает изнутри. Много врагов пришлось мне убить... и страшно мне сейчас. Не знаю... Вроде все говорят, что правильно я поступал. Даже в церкви так говорят. Но мне от этого не легче. Страшно мне... Не знаю, почему говорю это вам... Никому не говорил. А вот вам — почему-то сказал.

— Друг мой... спасибо тебе. Я никто для тебя, и тем более мне приятно, что ты доверил мне сердце своё. Знаю, как больно тебе. А если и не до конца понимаю — то потому, что горе твоё больше моего. Написано в Библии, что никакой человекоубийца не наследует Царство Бога. Прости за правду, но она нужнее тебе сейчас, чем красивая ложь. Христос, Сын Божий, учил нас: «Вы слышали, что сказано: „люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего“. А Я

говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас».

— Слышал я это! — воскликнул солдатик. — Да только нам объясняли, что это было повеление Иисуса Христа для евреев — чтобы они любили врагов своих, то есть язычников. А наши враги, напавшие на землю нашу, — это враги другой категории. Их нужно ненавидеть и убивать.

— Да, — сказал Александр Фёдорович. — А ты сам как думаешь?

— А что мне думать? Я верил им — они же при сани были... Но что-то не сходилось от их слов в сердце моём. Почему одни слова Христа мы берём для себя, а другие — откидываем, мол, они только евреям сказаны? Да и не может, думаю, Иисус Христос говорить, что одних врагов нужно любить, а других ненавидеть. Как-то не вяжется это...

— Вот видишь! — с радостью сказал Александр Фёдорович. — Ты сам и ответил на свой вопрос. Прав ты: не может Христос заповедовать одних любить, а других ненавидеть. Ведь то, чему Он учил людей, Он Сам и делал. Когда Его распинали, Он просил Бога о тех, кто распинал Его, чтобы Бог простил им, ибо они не ведают, что творят. И примером Своим Иисус Христос показал, как любить нужно всех врагов. А также написано, что мы должны отдавать Богу отмщение, а сами — побеждать зло добром. Бог лучше знает, как отомстить врагам, потому что Он любит их и желает, чтобы все спаслись и пришли к познанию истины. И потому это — самое важное для Бога. Может, Он даст человеку такое мучение — например, болезнь, — что тот покается во всех грехах своих и начнёт жить праведно. Да и сказано, что наша война — не против крови и плоти, то есть не против людей, но против духов злобы поднебесной.

— Так что же мне делать с моим сердцем?! — воскликнул солдатик.

— Покаяться перед Богом во всех грехах твоих. Покаяться за убийства. Верить в жертву Иисуса Христа, что Он умер за тебя. И попросить Бога, чтобы Иисус Христос верою вселился в сердце твоё и руководил жизнью твоей.

Солдатик в изумлении смотрел на Александра Фёдоровича.

— Я готов... Помоги мне.

Александр Фёдорович сказал:

— Повторяй за мною молитву. Но говори не мне эти слова — а Богу...

«Отец мой Небесный, прости все грехи мои, дай верою Иисусу Христу вселиться в сердце моё и жить жизнью, угодною Тебе, Отче Святей. Я верю, что Иисус Христос умер за мои грехи и воскрес для моего оправдания. Я прошу Тебя, Отец Небесный, чтобы Иисус Христос стал моим Господом и Спасителем, а Ты — моим Богом».

Мы помолились этой молитвой с солдатом, он как-то сразу стал светлее, что ли. Я подарил ему свою Библию и попросил его вникать в неё каждый день. Мы договорились, что я приду к нему в гости на следующий день, он дал мне адрес. Я заночевал в гостинице и на сле-

дующий день пришёл к нему в гости и оставался с ним неделю, уча его Слову Божьему. Вскоре пришло время нам расстаться, и мы, обнявшись, простились.

У Александра Фёдоровича на сердце была весна, половодье чувств взыграло в душе его. Он даже не подозревал, что есть такая неземная радость от того, что человек был грешником, а вот стал праведником, благодаря жертве Иисуса Христа. «О, как это сладостно моему сердцу», — думал он. — «Вот так простой солдатик стал на путь истинный, и я тоже приложил к этому чудесному событию руку свою. Да будет вся слава Тебе, Отче Небесный, за эту возможность, которую Ты дал мне — сказать Слово Твоё. Как Ты благ и даёшь Себя найти всякой душе, ищущей Тебя».

Александр Фёдорович пошёл в соседний город, и вдруг на пути ему встретились разбойники. Они разбойничали в этих краях совсем недавно, и так уж получилось, что именно он им попался, словно добыча. Один из них подбежал к нему, вынул нож и подставил к груди Александра Фёдоровича:

— Давай деньги, а не то сам видишь, что могу с тобой сделать.

Александр Фёдорович испугался, но что-то внутри его подсказывало, что он останется жив. Он мягко сказал:

— Зачем вы берёте грех на душу?

После этих слов человек с ножом размахнулся и ударил что есть силы по его щеке. Прозвучал звонкий щелчок, Александр Фёдорович еле устоял на ногах. Ему очень сильно хотелось ответить ударом на удар, но он сдержался, что-то произошло в его душе.

— За что ты бьёшь меня? — с кротостью спросил он. — Хочешь — ударь и в другую щёку.

— Отчего же не ударить, святоша ты этакой! — и снова размахнулся, и ещё раз ударил его уже по другой щеке. Искры посыпались из глаз.

— Да за что же ты бьёшь меня? — чуть не крикнул Александр Фёдорович.

— Разговаривать вздумал! Давай деньги!

— Я-то дам тебе деньги, но позволь прежде помолиться за вас. Ибо знаю я, что не будет вам счастья от этих денег. Да и немного их у меня...

— Как, помолиться? — удивился разбойник. — Я тебя бью, а ты будешь молиться за меня? Станный ты человек... Но за это оставим тебе жизнь. Потому что уверен: ты не сдашь нас.

— А зачем и кому мне вас сдавать, если Бог есть, и Он всё видит? — ответил Александр Фёдорович.

Александр Фёдорович помолился за них, он отдал им все свои деньги, и они пошли своим путём, а он — своим.

Клим был человеком бесстрашным, всё было по его плечу. Он мог сделать любую работу, только вот природная лень мешала ему делать всё, и он ограничился тем, что стал воровать. На первый раз это сошло ему с рук, да и на второй тоже. Так появилась привычка. Но в таких делах порок всегда требует от человека большего, и он пошёл грабить. Да вот только недолго пришлось ему по этому пути ходить: то ли сдал его кто-то, то ли время пришло — оказался он в зале суда, а из него напрямиком — в тюрьму.

И, будучи в тюрьме, сильно он затосковал. Пришла такая безысходность, что хоть криком кричи. Да он и кричал, стиснув зубы, в подушку, чтобы никто не слышал его. Перебирал он в памяти своей, как жил, и противно стало ему от такой жизни. Не было в ней ни ласковых слов, ни любви — одна суета да злоба: на себя, на всех вокруг.

«Что-то не сходится, — думал он. — Должен же быть какой-то выход из этого тупика...» И стал он присматриваться к собратьям по камере, думая, что и у них так же тоска съедает сердца. Да только разные были люди вокруг. Одни фанфаронили, и, казалось, им нравилось здесь; какое-то бахвальство распространялось вокруг них. Другие были забиты и смирно сидели, о чём-то думая. Третьи были главными здесь, они чувствовали себя вольготно, имели всё, что хотели, ещё с свободы, были неразговорчивы и угрюмы, но иногда, особенно когда выпьют, вспоминали былые времена и горланили песни.

Но Климу словно нож в сердце — так надоели и люди эти, и песни. Но что поделаешь — нужно быть рядом, и никуда от этого не убежишь.

Одного арестанта звали Пётр, и Климу нравилось, что он был спокойнее других и всё время читал какую-то книгу.

— Можно спросить тебя, Пётр? — сказал Клим.

— А отчего же нельзя? Спрашивай.

— Я заметил, что ты как будто спокойнее всех нас будешь, и какая-то внутренняя сила от тебя исходит. Ты не ругаешься, как остальные, не разбойничаешь. Отчего так у тебя это? Где взять такое спокойствие?

— Ты знаешь, брат мой, я делаю два главных дела в своей жизни: молюсь и читаю Библию.

— Не знал никого в моём окружении, кто бы так поступал... Один случай только помню из жизни своей. Заметили мы раз мужичонку: он работал у одного горожанина. Да проследили за ним, а когда он через неделю пошёл в другой город, там мы его и встретили, ограбили, конечно. Но он странный был и в сердце моё очень запал. Не сопротивлялся, и, когда я ударил его по одной щеке, он подставил мне другую. В первый раз я такое увидел. А потом отдал те немногие деньги, что у него были, а прежде ещё помолился за нас. Так вот с того времени не могу забыть его.

— Да, брат, повезло тебе. Видно, любит Бог тебя и на пути твоём послал христианина. Не зря всё это в жизни твоей.

— Так что же мне делать?

— Да тут дело не хитрое: покаяться тебе перед Творцом нужно и примириться с Ним. И если хочешь — будем вместе читать Библию.

— Замучился я совсем, — сказал Клим. — Поэтому будь что будет, а дальше так жить нельзя. Да, согрешил я много перед Богом, твоя правда...

Клим впервые встал на колени и обратился к Богу. Потом они ещё долго вместе изучали Библию, пока Пётр не подарил ему эту книгу книг, когда его, Петра, освобождали. И стал Клим в тюрьме своего рода знаменитым: многие приходили к нему послушать слова из Библии. Да был он кроток и добр со всеми и никогда не забывал ни того случая на дороге, — конечно, очень хотел и не раз молился о том, чтобы встретиться ещё раз с этим мужичком, у которого деньги забрал, — да видно, у Бога были другие планы. И не забывал он, конечно, Петра Александровича, который очень помог ему на духовном пути.

Детство Александра Фёдоровича было мягким и обычным. Звали тогда его, конечно, не Александром Фёдоровичем, а просто Сашкой. Был он упитанным малышом, больших хлопот поначалу с ним не было, ел он хорошо, что вызывало необыкновенную радость у родителей. Был у него брат — старший, по всем показателям лучше и смышлённее его, — и была младшая сестрёнка, за которой следовало ухаживать. Но и на этой почве с братом порой вспыхивали ожесточённые ссоры: никому не хотелось в ущерб свободному времени, которое Сашка употреблял на улицу и футбол, нянчиться с маленькой сестрой.

Старший брат, как уже было сказано, слыл смышлёным и увлекался всем, что приносило пользу по дому. Младший же, то есть Сашка, ни к чему не был приучен, и это было большим упущением. Впоследствии, когда он уже стал взрослым, это угнетало его, а особенно его жену.

Рос он в благополучной семье. Дружили с ним многие, видя его покладистый характер и умение хорошо стоять на воротах. Впрочем, дружба была поверхностной: наверное, всерьёз его мало кто воспринимал, поэтому и не дружили с ним «по-настоящему». С детства он мечтал стать писателем и написать книгу о викингах. Кроме мечты о книге, он, как и все мальчишки, думал о путешествиях, о дальних странах, ну и, конечно же, о совершаемых им подвигах.

Жизнь внесла свои огромные коррективы, и сейчас он шёл по дороге в город ограбленный, но счастливый, что смог в такой непростой ситуации сказать слово о Боге. Да ещё ему дали возможность помолиться, а также оставили при нём Библию, что для них, на то время, не представляло большой ценности.

До города он шёл в прекрасном расположении духа, хотя иногда ему было жаль всех денег, которые вот так пропали. До города оставалось совсем немного, он сделал остановку. В котомке ещё было немного хлеба и воды. Он отошёл на окраину дороги, сел на траву и стал есть хлеб, запивая водой. Ему показалось, что это пища королей. И солнце, и воздух чистый, и небольшая усталость — всё это казалось ему прекрасным. Особенно то, что он остался жив и разбойники по милости Божьей не лишили его того, что он сейчас с наслаждением смотрит на небо и ест свой хлеб, запивая водой.

В городе он обратил внимание на представление, которое разыгрывал приехавший театр прямо на площади. Он видел декорации и актёров, которые впоследствии стали играть короля

Ли́ра. Давно он не получал такого наслаждения от игры актёров. Единственное, что ему было стыдно — оттого, что нет денег, которые он с удовольствием дал бы за чудесное представление.

Король Лир был настолько опечален поступками своих дочерей, настолько буря негодования разыгралась в сердце его, и как умело это передавал актёр! Александр Фёдорович был в восторге. Ему и самому вдруг захотелось вот так, вместе с театром, продолжать своё путешествие, играть на подмостках и жить жизнью бродячего актёра. Да видно, не судьба: штат был набран, и никто из администрации, к которой он, в восхитительных побуждениях своего расстроганного сердца, пришёл просить взять его с собой, не воспринял его слова всерьёз, посмеялись над ним, пошутили и отпустили ни с чем.

Но Александр Фёдорович не унывал. Он опять нашёл дом, в котором была нужна его помощь, и за небольшую плату согласился вырыть яму для фундамента новой постройки. Работа была ему уже знакома. Семья, жившая в этом доме, считалась, по слухам, скупой, но предоставила ему и ночлег, слава Богу, и пищу, пока он будет работать, да и денег пообещали дать немного — и этому он тоже был рад. Да и вообще, в последнее время он был доволен своей жизнью как жизнью, но, конечно, был недоволен собой, потому что ещё много грешил: если не в словах и делах, так в мыслях, что доставляло ему большую скорбь.

Работа приносила ему радость и успокоение духа, тем более что он непрестанно молился, и некоторые люди удивлялись, что он шевелит губами: то он молился и о себе, и о людях, его окружающих. И молитва сия приносила ему великое утешение, а работа была для него радостью, особенно если эта работа была знакома ему.

Хозяева ему попались на этот раз не такие, какие были в первый раз, да и неудивительно это, потому что не бывает людей одинаковых, как и ситуации бывают разными. Есть люди добрые — потому что так сложилась жизнь их, что они по милости Божьей добрыми в этом мире ходят. А есть люди обиженные, ещё пока не знающие Бога по-настоящему — не так, понаслышке, а так, чтобы это знание было личным откровением. И вот, наверное, Александр Фёдорович попал именно на таких людей, которые были чем-то обижены в этой жизни и обиду свою распространяли на других, иногда на совсем невиновных людей. Хотя и нет совсем невиновных людей, ибо все мы согрешили и лишены славы Божией, но милостью и жертвой Иисуса Христа имеем надежду на вечное спасение.

И как бы в этот раз ни старался Александр Фёдорович с работой, хозяин с хозяйкой, у которых, кстати, пока не было детей, были им недовольны. Это уже потом он понял, что жадность двигала умами этих людей, и они не желали платить ему. Глупые люди... Сам Александр Фёдорович, если бы они прямо и искренне сказали об этом, не взял бы денег у них. Хотя, может быть, обида и приходила бы в сердце его, чтобы смутить его, но, возможно, он и справился бы с нею, размышляя так: люди сии нуждаются в снисхождении более других по той причине, что не смогли совладать с коварной жадностью, придавившей их всей тяжестью своей.

Итак, он сделал свою работу, но хозяин с хозяйкой начали бранить его, что не так он, по их мнению, всё сделал, и не заплатили ему денег. Александр Фёдорович огорчился вначале, но, помолвившись, пришёл к мысли о том, что нужно пожалеть этих людей, ибо они не понимали, что стоят на путях скользких и ненадёжных.

Вот так, голодный и без денег, он отправился дальше — на площадь города, чтобы узнать, нет ли кого нуждающегося в его услугах. Он стал расспрашивать людей, кому нужна его работа,

и ему указали один дом, где жил пожилой дедушка. И вот ему-то и нужен был помощник на время. Александр Фёдорович взбодрился и отправился по этому адресу.

Он постучал в дверь, и ему отворил тот самый дедушка, о котором говорили на площади. Лет ему было около восьмидесяти. Он был рослым и, видно, ещё недавно, пока не скрутило его, обладал высоким ростом и широкими плечами. Лицо изборождено морщинами, но взгляд добродушный и вместе с тем с признаками большой работы ума и сердца. С первого взгляда было видно, что это взгляд человека глубоко думающего. Он улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Входите в дом, мил человек. Меня зовут Евгений Андреевич. Видно, у вас ко мне дело. Обсудим его в доме.

Он зашёл вместе с ним в дом, который был аккуратным, но скромным: всё, казалось, было на своих местах, продуманно и, так сказать, математически точно.

— Не хотите ли сыграть со мной в шахматы? — вот странно, как мне показалось, он обратился ко мне, когда я, раздевшись, зашёл к нему в комнату.

— Да, пожалуй, я сыграю с вами в шахматы, — ответил Александр Фёдорович, — но боюсь, что исход этой партии уже предreshён заранее, так как я, по всему, не лучший игрок в такие игры. А вы, мне думается, можете даже самого сильного игрока заткнуть за пояс.

— Поживём — увидим, — сказал старик и попросил его не говорить о деле, пока они не сыграют в шахматы.

Я с удовольствием, хотя и не понимая этого, согласился с ним.

Стол, за которым они сидели, был массивный и старинной работы. Ножки были словно полукругом и на конце плавно переходили в лапы льва, точнее, сделаны они были так, что напоминали лапы льва. Стол был из благородного дерева, но видно было, что ему, возможно, столько же лет, как и самому дедушке. И мне показалось, что старик гордится своим столом и особенно шахматами, которые оказались великолепной работы, сделанными, как он позже узнал, вручную. Они были большие, и на столе смотрелись очень гармонично: старинный стол и, как он понял, тоже старинные шахматы.

Старик пристально посмотрел на него, и Александр Фёдорович даже немного сконфузился от этого взгляда. Старик предложил ему играть белыми — возможно, это был с его стороны широкий жест гостеприимства, которым Александр Фёдорович любезно воспользовался. Он сделал свой первый ход, выставив пешку на две клеточки вперёд. Старик также синхронно выставил свою пешку по той же схеме, только с другой стороны.

Нужно сказать справедливости ради, что Александр Фёдорович неплохо играл и разбирался в шахматах. Конечно, это было не профессионально, но, тем не менее, он слыл хорошим игроком среди таких же непрофессионалов, как и он сам.

Игра протекала напряжённо, преимуществ не было ни с одной, ни с другой стороны. Но Александру Фёдоровичу всё же казалось, что дедушка ему поддаётся. Впрочем, он не обращал

на это особого внимания и подумал, что с его стороны это просто знак уважения к новому игроку.

— Вы знаете, — сказал старик, — шахматы очень похожи на нашу жизнь. Тоже в ней различные комбинации сочетаются с ошибками и правильными ходами, которые невозможно заранее предусмотреть. Вот, казалось бы, решение, которое ты принимаешь в жизни и которое впоследствии будет влиять на тебя и окружающих тебя людей... Но так же и в шахматах: необходимо принимать решение, влияющее на ход игры. Как в жизни, так и в шахматах многое зависит от темперамента игрока. Один игрок думает долго, сопоставляет все «за» и «против», смотрит своим проникновенным взглядом вперёд и на несколько ходов продумывает свою комбинацию — и вдруг она не срабатывает. Так бывает и в жизни: вроде бы человек всё предусмотрел и долго думал, прежде чем сделать шаг, но вдруг по каким-то неведомым законам всё это проваливается, и приходится выбираться из последствий этого шага, хотя он и был продуман и взвешен на весах разума и чувств.

А бывает, что ход сделан спонтанно, и игроку кажется, что это ошибка, и теперь — как её исправить? Но вдруг оказывается, что данная ошибка принесла хороший результат, и комбинации игрока сделались благодаря ей более устойчивыми. Конечно, как и в жизни, чаще выигрывает тот, кто знает закономерности игры и владеет множеством приёмов и комбинаций, к тому же усидчив и спокоен. Но не всегда происходит именно так: бывает, что и дилетант становится выше профессионального игрока, хотя, если отдать должное, это случается очень редко. Но, как и в жизни, есть нечто, чего игрок не может учесть, даже при своём удивительном разуме и чутье к игре. Жизнь очень похожа на шахматы, но жизнь гораздо больше и шире, да и конечный итог её намного превосходит простую победу или поражение в шахматах. И всё же шахматы в какой-то мере учат нас жить, — так рассуждал старик. И потихоньку его положение становилось более выгодным на шахматной доске, чем у Александра Фёдоровича. В итоге дедушка одержал сокрушительную победу. Видно было, что это доставило ему огромную радость, и он на крыльях этой радости с умилением и добром посмотрел на Александра Фёдоровича.

— Ну, дорогой мой гость, теперь я готов выслушать вас.

Александр Фёдорович вкратце рассказал ему суть своего визита и попросил, если есть возможность, потрудиться для него за невысокую плату. Старик с удовольствием согласился:

— Если вы так же будете работать, как играете в шахматы: терпеливо и усердно, — то работа у вас сладится. А жить оставайтесь пока у меня — вы мне очень понравились.

Александр Фёдорович приступил к своей работе и очень старался выполнять её добросовестно. Впрочем, это было у него в крови: если уж он за что-то брался, то делал хорошо. Хотя старые привычки выполнять поручения безалаберно ещё давили над ним, и он постоянно с ними боролся. Нельзя сказать, что он всегда одерживал верх над ленью, но когда дело касалось работы не для себя, а для других, здесь он был особенно щепетилен.

Он работал без перерыва на обед, хотя дедушка настойчиво звал его отобедать. Зато на ужин он пошёл с удовольствием. Перед ужином он скромно попросил старика разрешить ему помолиться. Дедушка очень удивился, но разрешил. Александр Фёдорович помолился за хозяина, благословил его и пищу, и тихонько сел на своё место.

— Неужели вы ещё верите в Бога? — спросил дедушка. — Несмотря на такой прогресс в мире, который всё перевернул с ног на голову, и уже так много прогрессивных людей, которые не верят в Бога?

— Вы знаете, я тоже когда-то не верил в Бога, — ответил Александр Фёдорович, — но моя жизнь и размышления над ней привели меня к вере. А особенно то, что я стал читать Библию — эту книгу, в которой все пророчества сбываются, и многое из того, что говорили пророки, уже исполнилось. Поэтому у меня нет веских оснований для сомнений.

— Но ведь учёный мир сомневается, — продолжал дедушка. — Как же вы верите?

— Учёный мир сомневается потому, что весь свой потенциал поставил на один единственный инструмент, который не в состоянии сделать больше того, для чего предназначен.

— Что вы имеете в виду? — спросил дедушка. — Что это за инструмент и чего он не может сделать?

— Этот инструмент называется разум. Почему-то учёные думают, что наш разум совершен и им можно познать все глубины бытия. Но, к сожалению — или, лучше сказать, к счастью — разум наш похож, например, на отвёртку. Ею можно выполнять действия, присущие отвёртке. Конечно, я говорю всё это приблизительно, не совсем точно, но тут главное — идея. Так вот, отвёртка не может охватить и разобрать те новые самолёты, которые появились у нас: для этого необходимы и другие инструменты. Так, приблизительно, и наш мозг — это универсальная отвёртка, которая может выполнять множество функций, но не все. Не всё ей под силу. Так и человеческий разум может многое, очень многое, но было бы безрассудно предполагать, что он может всё. Но даже при своём ограничении Бог дал нам способность разумом познавать Бога через Его творение. Ведь было бы безумием утверждать, что вся эта красота появилась случайно. Даже самый захудалый рисунок имеет автора, тем более наша природа имеет Творца. Но, кроме разума, Бог дал нам веру, и верою мы видим то, чего не может в полной мере увидеть наш разум.

— Да... — протянул дедушка. — Всё вроде просто. Почему же учёные так не думают?

— Быть может, потому, что полагаются на разум больше, чем следовало, — ответил Александр Фёдорович. — И в этом и есть их трагедия.

— Но что вы скажете о том, что Бог не показывал Себя и никто Его не видел? — снова спросил дедушка.

— Как не показывал Себя? — сказал Александр Фёдорович. — Он показал Своего Сына. И если этого мало, то даже если бы Он Сам явился людям, думаю, это ничего бы не изменило. Адаму Его присутствие не помешало согрешить. Поэтому нам достаточно того, что Бог в своё время показал Сына Своего — Иисуса Христа.

— Да, у меня, как бы, и нет аргументов, чтобы вам возразить, — задумчиво сказал старик. — Но согласитесь: следовать за Богом очень трудно, и не всем это дано. Это надо так себя изменить, что человеку это не под силу.

— Вы правы, — сказал Александр Фёдорович. — Человеку это не под силу. Но если мы просим Бога помочь нам, Он помогает, потому что любит нас.

— То есть, если помолиться, то Бог поможет?

— Думаю, да. Только нужно стараться исполнять Его заповеди.

— Но я... — дедушка чуть сконфузился. — Я когда-то давно просил Бога помочь мне. И ничего не произошло.

— Вы знаете, нам иногда так кажется, что ничего не происходит, — мягко ответил Александр Фёдорович. — Но на самом деле происходит больше того, о чём мы просим. Просто нужно внимательно посмотреть. И не всегда Бог даёт нам то, чего мы хотим, но Ему нравится давать нам то, что полезно нам.

— А вы знаете, с такой точки зрения я не осмеливался смотреть, — сказал дедушка. — Надо подумать над этим. А сейчас... не хотели бы вы сыграть со мной ещё одну партию в шахматы?

— Да, с удовольствием, — ответил Александр Фёдорович. — Но думаю, я вновь проиграю вам.

— В одном вы проиграете, быть может, — загадочно сказал дедушка, — зато в другом, может, и выиграете.

Он немного помолчал, а затем продолжил:

— Но вот что я вам скажу, и отнеситесь к моему слову очень серьёзно. Пообещайте мне, что отнесётесь серьёзно.

— Как же мне обещать, не зная, что вы скажете? — осторожно ответил Александр Фёдорович.

— Ну, вижу, вы мне мало доверяете, — улыбнулся старик. — Впрочем, это неудивительно, ведь мы мало знакомы. Но вы мне очень понравились, и я, так и быть, скажу вам то, что у меня на сердце: вам обязательно нужно стать проповедником. Уличным проповедником. У вас есть эта сила — убеждать. Поверьте мне, старому еврею.

— Я охотно бы вам поверил, — сказал Александр Фёдорович. — Но, честно говоря, боюсь. Мне страшно, что меня побьют, если не камнями, то тухлыми яйцами.

— Конечно, побьют, — спокойно сказал старик. — А кого из честных людей не побивали? Но вас побьют, а вы будете счастливы — как те апостолы, о которых написано в Священной книге.

— О, вы тоже знаете эту историю? — удивился Александр Фёдорович.

— Да, молодой человек, — ответил старик. — Я не только играю в шахматы, но и книги читаю. А особенно Библию читал в своё время, пока была жива моя супруга. Но когда она

умирала от рака, и я молился Богу, надеясь на чудо... и чуда не произошло, — он говорил, и слёзы были видны в его глазах, — я перестал читать Библию и с тех пор к ней не прикасался. Но я уже стар, и что-то подсказывает мне, что зря я не читал Библию. Ваш приход напомнил мне, что Библию нужно читать. Мне понадобилось много лет, чтобы уяснить простую истину: мы с моей женой, а она была особенно набожна, должны будем встретиться после воскресения. Ведь это правда?

— Конечно, правда, — ответил Александр Фёдорович. — По-другому и быть не может. Так обещает Бог, что будет воскресение праведных и неправедных. А Богу верить можно.

Старик словно ожил от этих слов и сказал:

— Возможно, Бог знал, что разлука наша с женой произведёт во мне такую любовь к ней, которая будет уже вечной.

— Да, мы совсем забыли о шахматах, — добавил он, вытирая платком слёзы.

Он переключил внимание на игру. Я проиграл снова, но уже сопротивлялся намного значительнее прошлых раз. Дедушка похвалил меня, и мне, по чести сказать, была приятна его похвала.

Через несколько дней Александр Фёдорович закончил работу. Они сердечно попрощались и, обнявшись, старик сказал:

— А всё-таки вам следует непременно попробовать себя в качестве проповедника.

— Обязательно попробую, — ответил Александр Фёдорович, чтобы не огорчать своего нового друга.

Прошло несколько месяцев с того момента, как он пробыл у старика. И вот, в одном маленьком городишке, на центральной площади, в воскресный день он вдруг решил попробовать осуществить то, что пообещал не так давно дедушке, а именно — проповедовать Слово Божье. Но как в реальности это сделать, он ещё не знал. Тогда он встал посреди площади и громко сказал:

— Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие!

Ему стало немного страшно от собственных слов, но он пересилил страх, и, когда мимо него проходили люди, он снова громко сказал:

— Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие!

Один невзрачный мужчина, проходящий вместе с женщиной, остановился и, видно, желая произвести на свою спутницу впечатление, спросил:

— А ты кто такой, чтобы говорить такие слова?

Александр Фёдорович не ожидал такого оборота. Он думал, что будут спорить с ним теологически, а тут сразу такой вопрос — и в лоб.

— Я, — сказал он, — червь, а не человек. Слуга Бога Всемогущего, Который желает, чтобы все грешники покаяться и приобрели точное познание истины.

— Оно и видно, что ты червь! — рассмеялись мужчина и женщина.

Они хохотали долго и отрывисто, а потом, чтобы подогреть свой смех, сказали:

— Раз ты червяк, то ползи отсюда, в ту землю, из которой выполз!

И пуще стали смеяться.

— Я бы уполз с превеликим удовольствием, да не могу, — ответил Александр Фёдорович. — Бог повелевает быть милостивым к вам, чтобы вы услышали истину о Нём.

Возможно, этот кроткий ответ задел их, и они на время перестали смеяться.

— Так в чём же твоя истина? — спросил мужчина.

— Нет моей истины, — ответил Александр Фёдорович. — Есть истина Божья, а я всего лишь раб Божий, ничего не стоящий, который говорит эту истину.

— Воистину ничего не стоящий, — сказала женщина, и они вновь начали смеяться. Их смех привлёк несколько зевак. Зеваки присоединились к смеху и стали наперебой выкрикивать различные остроты в адрес Александра Фёдоровича, и он не выдержал, стушевался и ушёл. Это был полный провал. Он не ожидал, что не сможет проповедовать Слово Божие, что это окажется сверх его сил. И он, поникший, пошёл к старику пожаловаться на свою судьбу.

Когда он шёл, он жаловался Богу и говорил:

«Боже, ведь Ты дал уста и сердце человеку, почему же я не мог воспользоваться этими дарами? Но когда меня стали хулить, я стушевался и ушёл. Прости моё малодушие, прости мои страхи. Я не смог говорить то, что очень важно сейчас для этого города и для его жителей. На первом же испытании, Боже, я споткнулся. Что же это такое? Почему я так слаб? Не думал я, что настолько слаб у Тебя. Прости меня, нет во мне силы противостоять насмешкам...»

Скорбь и печаль охватили его сердце и словно выдавливали из него ту веру, которая у него была. Малодушие и сомнения наполнили сердце его, а ещё пришла саможалость непрощенным гостем. Он поник и с таким упадническим расположением духа постучал в дом старика.

Старик очень обрадовался его приходу. С улыбкой сочувствия он выслушал печальный рассказ Александра Фёдоровича. Александр Фёдорович в сердцах выкрикнул:

— Ведь это вы меня убедили это сделать, и что же из этого получилось?!

— Да, я тебе сказал стать проповедником на улице. И что же? — спокойно ответил дедушка. — Ты думал, что все только услышат голос твой, падут на колени и покаются?

Неужели ты так думал, что твоим талантом ты мог обратить людей с закаменелыми сердцами? Значит, глупец ты.

Старик его не щадил и не давал того сочувствия, на которое так рассчитывал Александр Фёдорович.

— Глупец ты и невежда, — продолжал дедушка, — раз допустил в сердце своём так думать. Ты рассчитывал на свою силу и на свой дар красноречия, вот Бог тебя и посрамил. А как ты хотел? Ты думал, придёшь ко мне, и я буду тебя утешать, как малое дитя? Если бы ты был малым дитём, то я, конечно, утешил бы тебя. Но ты взрослый муж. Какое же утешение, кроме правды, я могу тебе предложить? А правда в том, что ты малодушный и себялюбивый человек. И огромная слава Богу, что Он не упрятал от тебя твоих гнойников и твой гной, а показал тебе самому, кто ты есть на самом деле. Ибо хотя ты и говоришь, что ты — червь, а не человек, но говорят это твои уста, а сердце твоё ещё далеко от этого утверждения.

— Прости меня, дедушка... Что же мне делать теперь? — спросил Александр Фёдорович.

— Что тебе делать? Прежде всего — не распускать нюни. А второе — продолжай. Взявшись за плуг, не оборачивайся назад. И каждое твоё падение будет давать тебе больше опыта, чем все твои взлёты. Потому что взлёты наполняют гордостью сердце человеческое, а падения заставляют в смирении задуматься. Неужели ты думаешь, что напрасно было дано жало в плоть апостолу Павлу? Ибо благодаря этому Бог сделал его человеком. Поэтому все оскорбления, которые падают на тебя, принимай как благословения, потому что и все мужи Божьи были оскорбляемы, и Сам Сын Божий более других был оскорбляем, но не перестал благовествовать Слово Отца Своего.

Александр Фёдорович понимал, что старик был прав, и он от всего сердца поблагодарил его за эти слова, хотя они и жгли его, как раскалённые угли. Жгла его совесть. Но он решил: завтра, во что бы то ни стало, ещё раз попробовать то, что не получилось у него сегодня. Старик любезно предоставил ему жить у него столько, сколько будет необходимо.

Утром Александр Фёдорович помог старику сделать всё по хозяйству. Старик очень ласково смотрел на него, казалось, ему было немного стыдно за то, что вчера он так резал правду, и сегодня ему захотелось смягчить вчерашний разговор. Он всячески старался сказать что-нибудь ласковое Александру Фёдоровичу, и тот уловил этот благородный порыв сердца старика.

После того как он сделал все дела по дому, оделся и хотел было пойти на площадь, старик сказал ему:

— Давай помолимся

И они помолились, чтобы Бог помог ему быть твёрдым и мужественным и не бояться говорить Слово Божие.

Александр Фёдорович вышел на площадь в рассвете дня. Людей было немного, и каждый целенаправленно шёл по своим делам, не замечая никого вокруг себя. Александр Фёдорович стал на своё место, то есть на то же самое место, где был вчера — как раз посередине площади — и громким голосом сказал:

— Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие!

Он наблюдал за прохожими, и как только кто-то сравнивался с ним, он громко повторял:

— Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие!

Вот один мужчина отделился от толпы и спросил его:

— Что ты кричишь? Мне не в чем каяться. Я не грешник: никого не ограбил, никого не убил, все заповеди Бога соблюдаю. Так зачем же мне каяться?

— Счастливый вы человек, однако, — ответил Александр Фёдорович. — Но только вы ошибаетесь, не зная ни покаяния, ни силы Божьей. Потому что написано: все согрешили и все лишены славы Божией, и нет ни одного человека, который бы не согрешил. Так говорит Святое Писание, и я верю ему. А если вы говорите, что не согрешили, то у меня есть выбор — верить вам или верить Богу. Но, может быть, вы просто не знаете, что согрешили, и подумали, что раз вы никого не убили и не ограбили, то уже и не грешник. А спрошу я вас об одном: мысли гневные вы допускали в жизни своей?

— Конечно, допускал. А кто их не допускал? — ответил незнакомец.

— Вот видите, — сказал Александр Фёдорович. — А это уже грех. Грех настолько проник в сердце наше после Адама, что стал нашей второй натурой, и ничто не может избавить нас от греха. Мы рождаемся с грехом. Смотрите ли вы на женщин с тайными, нечистыми мыслями?

— Ну, это интимный вопрос! — воскликнул незнакомец, но потом, немного опомнившись, добавил: — Впрочем, если уж говорить начистоту... Да, не бывало дня, чтобы я не думал о женщине. И это тоже грех?

— Да, это тоже грех, — ответил Александр Фёдорович. — Мы пропитаны грехом, даже не замечая этого, как больные раком, когда ещё нет метастаз и нет никаких внешних признаков болезни. Мы, будучи больными, мним себя здоровыми. Счастлив тот человек, который осознаёт своё заболевание. Сколько в день мы допускаем мыслей в сердце своё — гневных, прелюбодейных, злых, непотребных, ворчливых, бунтующих и так далее — и при этом думаем, что не грешим.

— Но ведь это только мысли! — возразил незнакомец. — Я же не воплощаю их в жизнь.

— Да, это только мысли, — согласился Александр Фёдорович. — Но они уже греховные, согласитесь. И рано или поздно, когда подвернётся, так сказать, «благоприятный» случай для исполнения греха, эти мысли — неизвестно даже для вас каким образом — станут действиями. Вы — как тот больной, что говорит: «Не болен», потому что нет внешних признаков болезни. Но то, что болезнь уже живёт в организме, он не видит.

— Так значит, я больной? — растерянно спросил незнакомец. — А как насчёт вас? Вы разве не больны?

— Я тоже больной, — ответил Александр Фёдорович. — И признаюсь в этом. И нуждаюсь во Враче, и Он лечит меня, потому что я молюсь Ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.